

Игорь Галеев *Жития Грешка и Гармонии*

Книга вторая

Игорь Галеев

**Жития Грешка
и Гармонии. Книга вторая**

«Издательские решения»

Галеев И.

Жития Грешка и Гармонии. Книга вторая / И. Галеев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966974-2

«...в книге много прекраснейших Мыслей и планов. Этот человек Проживал в
стране Самых отвратительных Громил и Шарлатанов». С. Есенин.

ISBN 978-5-44-966974-2

© Галеев И.
© Издательские решения

Содержание

К Н И Г А В Т О Р А Я	6
ОТКРОВЕНИЕ ПЕРВОЕ	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Жития Грешка и Гармонии

Книга вторая

Игорь Галеев

© Игорь Галеев, 2019

ISBN 978-5-4496-6974-2 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-4391-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КНИГА ВТОРАЯ

*«...в книге много прекраснейших
Мыслей и планов.
Этот человек
Проживал в стране
Самых отворотительных
Громил и Шарлатанов».*

С. Есенин.

Сегодня я пусть лирик праздный,
Пускай бездельник молодой,
Вкусивший-с-суженый покой
И образ жизни безобразный,
Транжира чувства и слова,
Чтоб не болела голова,
Чтобы тоска не исказила
Все, что ДА СВЕТИТСЯ во мне,
Чтоб истин не было в вине,
Чтоб еще раз взошло светило,
Продолжу прерванный рассказ!
Скороговоркою лихою
Открою новую главу.
Стереотипный унитаз
Как прежде бодрствует со мною,
Не зная светских рандеву.

О форма! Волен был поэт
Избрать любой размер. А ныне,
Кто у поэзии отнимет
Ямбический кордебалет?
Никто! Попробуй, если смел,
Направь на гения прицел —
Тебе «поэт» прокусит глотку,
Кровь будет пениться, хлестать!..
И чтоб поэзии не знать
Всю жизнь мы хлещем, корчась, водку,
Кичимся бедами по-бед
И отравляемся, поспешно
Рассолом крик души зальем...
Но – в сторону тоску и бред!
Я выбрал форму вам небрежно
Ну, кто со мной? Вперед! Идем!

Нас встретил город многолюдный.
Толпа усталая рекой
Течет по улице под бой

Часов старинных. Вечер чудный
Сменяет тяжкий знойный день.
Уж над землей сгустилась тень —
Тень необъятного пространства
И неизведанных миров.
— О боги! Мир!.. Да, он таков,
Он презирает постоянство!
— К чему ты, Саня, рассуждаешь?
Сейчас не время. Будем пить.
Ты заслужил. Экзамен сдан.
Давай, пойдем к девчатам! Знаешь,
И я не прочь бы полюбить,
Но нет любви — один обман.

С Олегом Сашка наш согласен:
— К девчатам? Это хорошо!
— О, кто сравнится с ними, что?
И без любви их взгляд прекрасен!
— Да ты поэт, я погляжу.
— Поэт? Ну нет, я не скажу.
Я жертва плотского вещизма,
Я скептик, если хочешь знать,
В моей семье, как благодать,
Ценились формулы цинизма.
С тобой я буду откровенен,
Не знаю, правда, почему...
Я рос упитанным, в достатке,
Папаша мой, ну как Каренин,
Женился поздно, и ему
Никто не смел «подсунуть взятки».

Так он частенько говорил
В кругу людей (не из последних),
А сам об этих взятках сплетни
До одурения любил.
А после сплетен и меня...
Поверишь, не было и дня,
Чтоб он в восторге не пророчил
Судьбу и будущность мою,
Что путь его я повторю,
Мог говорить до поздней ночи.
Но я пошел путем другим.
И вот я здесь, но долго ль буду?
Я крови, Сашка, не боюсь...
Ну что же мы с тобой сидим?!
Давай, бери вино, посуду...
Стакан разбил? На счастье. Пусть!

И вот приятели-студенты

Сидят у радостных девчат,
О чем-то спорят невпопад;
И отдают аплодисменты
Красноречивости Олега
Красавицы а-ля Поль Дега.
Как он шутил! Как он резвился!
Как всем старался угодить!
Как предлагал слона купить!
Как над «преподами» глумился!
Я описать не в силах **каки**.
Олег Чуднов – пристрастный малый
Вдруг головою буйной сник
И так сказал подружкам: «Враки!
Вам подавай тряпье да балы
У, самочки! Пошли, старик!»

– Ах грубиян! Каков проказник!
Зачем обидел слабый пол?
Какого черта к ним повел?!
Испортил девочкам весь праздник! —
Так Спорин сетовал на друга.
Что ж, философия – наука
Частенько возбуждает в тех,
Кто с нею в юности венчался,
Кто суть вещей постичь поклялся,
Сомнений дерзких грубый смех.
Чуднов – он лирик и философ
(Пусть доморощенный пока)
Терпеть не мог «тупые танцы, —
Гон, вакханалию невроз»,
И в девах, «сделав дурака»,
Увидел «умственные шансы».

Имел теорию Олег,
Он видел мир категорично...
Здесь объяснять мне неприлично:
Как переварит человек
Идею в черепа-желудке,
Преодолев все предрассудки,
Забыв морали и законы,
Не возведя меня в число
(Ну дал же боже ремесло!)
Тех, что порочат миллионы?
Вам непонятно? Уточняю:
Боюсь сказать красиво мысль —
Она скорбна, витиевата,
И я ее не одобряю,
И сколько с нею не возись,
Вам не начислится зарплата.

Герой (в виду имею Сашку)
Проблемы друга разделял
И в пьяном виде угнетал
Истериками всю общажку.
Он рвал одежду, в двери бил
От пониманья, что бескрыл...
Как посторонний созерцатель,
Теперь о прошлом я глаголю
И рассуждаю себе вволю,
Найдя спокойствие в кровати.
Ну а ему-то каково,
Что без кумира и без света
Заброшен в жизнь слепым щенком?
Пути-дороги замело
И далеко нам всем до лета,
С мозгами мерзлыми притом.

Я ядовит? Увы, немного.
Мой слог претит стальным умам.
Но смертной влаги миллиграмм
Больным – бальзам. Не веря в бога,
Не зная духов и чертей,
Живем в плену пустых страстей.
Сегодня – хлеба изобилие,
И масло можете купить,
А если денег подкопить,
То скроете свое бессилье
В квартире новой планировки
За ширмой тюли и ковров,
За хрусталями ширпотреба —
Все это требует сноровки,
Как говорил Олег Чуднов:
«Мирами правит ломоть хлеба».

А он чудное говорил!
Был прям порой, как беспардонность,
Но, несмотря на эту склонность,
Бывал в беседах нежно мил...
За что, наверное, девчонки
За ним таскались, как болонки.
Друзья в одном котле варились
И жили в комнате одной,
Что вытворяли, боже мой!
Но все же, как могли, учились,
Учились, как хирургом стать:
Как резать, как скреплять нам кости,
Как зашивать ножные раны,
Как правильно нас бинтовать,

Чтоб снова мы ходили в гости,
Чтоб снова мы бывали пьяны.

Зубрили общие науки:
Кто что сказал, *куда* идем...
На лекции ходили днем,
А в сессию терпели муки
От самодуров-педагогов,
Каких еще на свете много. В
Часы «свободные» (Эйнштейн —
Тире – поймите «относительно»)
Читали книги упоительно
И пили пиво иль портвейн.
В последнем случае – печально
День завершался, а наутро
Сгорала память от стыда,
Который дан нам не случайно,
Как и наука камасутра,
Стыд нам полезен иногда.

Друзья учились без призвания:
Чуднов соперничал с папашей,
Судьба сыграла шутку с Сашей —
Он материнские желанья
Привык покорно выполнять
И должен был хирургом стать.
Но должен – суть не значит будет.
Мы знаем: юность все равно
К Вершинам рвется. Ну а Дно
Ждет и правителей, и судей...
Мечтатель я. И потому
Ни обстоятельства не смогут,
И ни враги, и ни друзья
Мешать герою моему.
Найдет он верную дорогу —
За это вам ручаюсь я.

Как поступил герой наш в «мед»?
Приятель мамы – протеже...
Тс-с! За такое неглиже
Непризнан буду тыщу лет.
Скорей, мой бес, зажги свечу!
Не тем я нервы щекочу!
Короче, честно и без взяток,
Обширным знанием, умом,
Был взят очередной подъем
И мир на вкус был терпко-сладок.
Казалось – что еще желать? —
Лечи людей – нагих, убогих.

Прекрасней дела в мире нет!
И за тебя спокойна мать —
Под солнцем встанешь ты на ноги —
Вот счастье ей на старость лет!

И Сашка взялся за учебу,
Ночами в сессию не спал,
В библиотеках изучал
Историю – наук амебу.
Дурел от вороха цитат
И ненавидел Петроград.
Но – не дурак, и посему
Сдавал экзамены неплохо
(Вы ждете нового подвоха,
Привыкнув к стилю моему?
Вы просчитались!), и тогда
Вновь стало скучно и противно
Смотреть на мир и на себя:
Взошла Кудесница-звезда
И отразилась в сердце гимном,
И презирая, и любя...

Так и со мной когда-то было —
Увидел свет большой Звезды,
Познал великие мечты,
И дерзость сердце окрылила,
И, отрекаясь от былого,
Был жалким отзвуком святого —
Святого Имени, Судьбы,
Не обывательско-животной,
А бесконечно-мимолетной,
С разумной яростью борьбы.
Ну что за жизнь – плодись и грейся?!
Ты – человек, не бегемот,
Есть силы, шанс, любовь и злоба,
А красота – кругом – залейся!
К штурвалу! Твой пришел черед!
А впереди – ни слез, ни гроба.

«Туманно» – скажете. Быть может...
Родишься, но не видишь свет.
Когда юнцу семнадцать лет,
Его невнятное тревожит.
И здесь решиться: или-или,
Существовали или жили.
Мы выбираем путь однажды,
Идем всему наперекор,
Сметаем предрассудков сор
И дела истинного жаждем.

Мы отрицаем, мы пророчим,
Клянемся и даем обет:
«Я подарю себя Вселенной!...»,
Т.д., т. п. и многоточья,
А там, минует десять лет,
«Забудем» клятвы постепенно.

Кого винить? На что ссылаться?
На быт? На время? На жену?
На темперамент? На страну?
В словесном блюде изощряться?
Ты был и сгинул. Амба. Все!
Другой поднял твое копье.
Мешать и злобствовать не смей!
Не мсти за молодость и клятвы.
Настанет время смертной жатвы —
Смотри на солнце и детей,
Пускай не ты, пускай другие
Пройдут дорогою мечты,
Ты поддержи рукой и словом,
Они – всеильные – живые,
Они, безумие и ты
В стремленьи сладостном и новом.

Спеши, спеши, моя рука!
Бурли мой разум! Свое дело
Мне надлежит закончить. Смело
Лети мой конь! А седока
Простит задумчивая дева
За горечь странного напева.
Ты знай, красавица, тебе
Я шлю непризнанные строки.
Не поминай мои пороки
И не печалься о судьбе
Неугомонного поэта.
Живу я счастливо, красиво,
И ненавижу, и скорблю,
Жду от друзей вестей, привета,
Люблю собак, табак и пиво,
И дочку вредную люблю.

Остановлюсь. Еще немного
И быть мне ангелом в раю:
Паршивец! – сам себя хвалю.
Суди меня, читатель, строго —
Пошли сплошные отступленья,
Я назову их «откровенья».
Уж в них я душу отведу
И карты вам свои раскрою,

Ну а теперь пора герою
Дать темы моему труду.
Живет он в городе прекрасном,
У восхитительной реки,
Презревшей власти и границы;
Летят здесь летом в небе ясном
Под пароходные гудки
Пух тополей, мошка и птицы.

*Пустынный город на Востоке.
На утрамбованных холмах
В ночных и солнечных лучах
Он заколдован сном глубоким.
Пока он тяжело крепко спит
В нем заправляет Вечный Жид.
Оберегает сон умело
И восхваляет тишину,
Он превозносит старину
И любит, чтоб везде блесло
Число магическое «Семь».
И трафаретные портреты.
Скрывают облик подлеца.
К чужим страданиям глух и нем,
Дает народу он советы
И заседает без конца.*

*Не любит смех он, потому что
Смех будоражит, веселит.
Имеет Жид надменный вид
Ему везде тревожно, скучно,
Порой он вспомнит, что распяли
Того, чьим **Словом** править стали,
Что никогда не смогут люди
Простить Голгофы и Креста —
Ударить пленного Христа? —
Любой за это проклят будет.
Жид долго странствовал и вот
Осел и вжился. Хамельонски
Царит и властвует. Везде
Из года в год, из рода в род
Наводит он порядок жесткий,
Забыв о Праведном Суде.*

Я описал картину. Сашка
Над ней полгода простонал.
Каков сюжет! Каков накал!
Чуднов и тот сказал: – Замашка
Видна недюжая. Ништяк!
Тебе пора бросать, чудак,

Зубрить святую медицину.
Уходим вместе. Я с тобой.
Пусть тоска, пусть застой!
Ну а когда другие сдвинут,
Как говорится, с мертвой точки
Инертность и маразм идей?
Простишь себе ты осторожность?
Уход наш – это лишь цветочки —
Созреют ягоды быстрее.
А жить, как мы с тобой, – безбожно!

– Куда уходим? Как уйдем?
Олег взбесился: – Ты ли это?!
Мы обойдем с тобой полсвета!
Мы сможем многое вдвоем!
Не уважая свой талант,
Ты поступаешь, словно франт!
Пишу стихи. Пока – дерьмо,
Но будут взлеты. Непременно
Мы обмозгуем постепенно
Что нам природою дано.
Олег пустился в рассужденья,
Мол, каждый с детства даровит,
А дар в борьбе распознается,
Упустишь нужные мгновенья,
Своя же память не простит,
И горько каяться придется.

Ему как эхо вторил Спорин:
– Не наше это ремесло.
Учиться здесь – больным во зло!..
Олег признанием доволен,
Подвел решительный итог:
– Звезда возшла и с нами Бог!
Осуществить свой план на деле
Не так-то просто было им.
С деканом, мрачным и седым,
Шесть randevu друзья имели.
Косые взгляды педагогов,
Советы опытных друзей,
И материнские упреки.
Проклятья, слезы... В общем, много
Больших и маленьких камней
Во тьме им шлепалось под ноги.

Да, впереди не только счастье.
Несчастный случай стережёт
Повсюду нас, как мышку кот.
Кончина близких, боль, ненастье,

Опустошения, война —
Всем этим жизнь полным полна.
А сколько гаденьких страстей,
Убийц, садистов, извращенцев,
Идейных психов, отщепенцев
Веками мучают людей!
Готовьтесь к худшему, поняв,
Что тот, кто вынесет страданья,
Не потеряв рассудок в горе,
Среди трагедий и забав
Сумеет жаром созиданья
Осеменить людское море...

В пылу дебатов и скандалов
Дни проходили. Наконец,
Приехал сам Чуднов-отец.
— Его здесь только не хватало, —
Тоскливо морщился Олег, —
Машина, а не человек.
Друзья с папашей просидели
Полдня в гостинице. Он им,
Подтянут, бодр, неутомим,
«Пел, словно кешинский Сальери»: *
— О! Я ценю максимализм,
Но не такой! Уйти без цели,
Забыв о клятве Гиппократы?
Безумный ваш эгоцентризм
Отверг бы сам Макиавелли!
Зачем губить себя, ребята?!

Ребята холодно молчали.
И не добившись своего,
Старик промолвил: — Ничего,
Вот поживете с год в опале,
Тогда поймете что по чёму.
И больше с «вредным соплячём»
Он разглагольствовать не стал.
Друзей оставили в покое.
«Ничё, глаза им жизнь промывает», —
Вещал куратор-зубоскал...
Ну вот и фабула готова,
А где ж эпичность и любовь?
Придется после откровенья
Заняться мне сюжетом снова
И вновь придется портить кровь
Тем, кто не любит от-с-туп-лень-я.

* О. Чуднов имел в виду актера Иннокентия Смоктуновского, вспоминая об этой встрече через года.

ОТКРОВЕНИЕ ПЕРВОЕ

*Я на полях рисую редко
И все урывками пишу:*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.